

Её вступление всегда было прямым, с ноткой возбуждения и откровенным любопытством.

— Как редко ты приглашаешь меня на обед! Дай угадать, зачем это? Может, потому что Е Инь уехала на съёмки, ты огляделась вокруг, поняла, что нет друзей, и вспомнила о бывшей пассии? Чтобы убить время, не удержалась и позвала её пообедать?

— Гу Ичжэнь, когда ты успела настолько погрузиться в драматургию?

К болтовне сладкоголосой мисс Гу Лу Шабай обычно относилась так: в одно ухо влетело, из другого вылетело, никогда не вступая в пререкания. Непонятно, что случилось на этот раз, но она вдруг позволила себе несколько колкостей.

— Хочешь, помогу тебе с ролью в сериале? Какой уровень проекта предпочитаешь? С твоим-то именем сколько желающих вложиться найдётся!

— Значит, я угадала! Эх, Е Инь ведь только недавно уехала на съёмки. Посмотри на себя — разве ты та бесчувственная женщина, которую я знала?

В словесных перепалках Гу Ичжэнь никогда ей не проигрывала, тут же парировала острым языком, и даже через телефонную линию точно била в самое больное место, которого та избегала.

— Кто разрешил тебе называть её «маленькой Инь»?

Лу Шабай перебирала вещи в шкафу и наконец нашла платье нежного цвета с бантом на талии, подчёркивающим стройный, почти хрупкий силуэт.

— Э-э...

Эта реплика обладала сокрушительной силой, даже Гу Ичжэнь на миг онемела.

Кто надоумил Лу Шабай заучить подобные строки в стиле генерального директора?

Лу Шабай продолжала, с оттенком резкости, словно злясь на кого-то:

— Кто тебе сказал, что мы бывшие любовницы?

— У кого это нет друзей?

Гу Ичжэнь застыла, будто увидела, как та превратилась в ёжика, мгновенно ошестинившегося всеми иголками, чтобы дать отпор за то, что ткнули прямо в сердце.

— Ладно, ладно, во всём виновата я. Ты дома? Я заеду за тобой.

Она мягко успокоила подругу, положила трубку и всё ещё не могла прийти в себя.

Раньше Лу Шабай была совсем другой...

Неужели в неё вселился её же шестнадцатилетний дух?

Мисс Гу, в последнее время погружённая в чтение романов в поисках потенциальных историй для экранизаций и обладающая буйной фантазией, посчитала свою догадку вполне логичной.

С того момента, как она познакомилась с Лу Шабай, та уже была человеком, не проявляющим

эмоций.

Всегда рассудительная, всегда правильная, всегда с улыбкой на лице — образец взрослого поведения.

Скажешь, что она неискренна, а она проявляет предельную заботу. К друзьям, к возлюбленным — всегда внимательна до мелочей. Поздравительные открытки и подарки на праздники, поддержка и утешение в болезни и печали. Она была самой нежной, но при этом самой отстранённой.

Гу Ичжэнь редко видела у неё эмоциональные всплески, словно на сердце у неё были доспехи, и ничто не могло её растрогать.

Лишь однажды, когда та напилась, получив несколько тяжёлых ударов судьбы подряд, она разрыдалась у неё на плече и рассказала многое, что позже приказала забыть и ни в коем случае не разбалтывать.

Среди этого была и её собственная растерянная, мимолётная любовь в шестнадцать лет.

Тогда Гу Ичжэнь посмеялась над ней: «Разве это можно назвать любовью? Это просто заблуждение».

Лу Шабай швырнула в неё диванную подушку, смеясь и признавая её правоту.

Гу Ичжэнь всегда ездила быстро, пересечь весь город занимало меньше получаса, так что уже минут через пятнадцать она принялась стучать в её дверь.

— Что с тобой на этот раз?

Едва Лу Шабай открыла дверь, та ворвалась внутрь и сунула ей в руки мороженое.

— Первая любовь в двадцать семь?

— Отвали!

Лу Шабай чётко и ясно выдала одно слово.

Иногда она по-настоящему ненавидела Гу Ичжэнь за то, что та всегда вскрывало то, с чем она сама не желала сталкиваться.

В чайной кондиционер работал на полную, от холода начинала болеть голова.

Гу Ичжэнь, едва усевшись, заказала сначала три ананасовых булочки, потом чайник улуна и настояла, чтобы добавили льда. Официантка с хорошими манерами улыбнулась и принесла им ведёрко со льдом.

— Я же говорила, что ты невыносимо упряма, — Гу Ичжэнь с шумом принялась добавлять лёд в чай, поднимая облачко белого пара. — Доведёшь себя до беды.

— А разве не все до чего-нибудь да доводят?

Отрезала Лу Шабай.

Натягивать на себя эту личину дальше она уже не могла.

Люди, преуспевшие в этих кругах без опоры и корней, разве не обладают несколькими лицами? Обычно Лу Шабай мастерски скрывала свою истинную сущность, но сегодня внутри всё бурлило и кипело.

Улун был горьковатым, с терпким послевкусием, а после глотка на кончике языка оставалась слабая сладость. Но этого было далеко недостаточно, чтобы погасить тот огонёк в груди.

Лу Шабай почувствовала, что ей нужно что-то сладкое, поманила официантку и заказала порцию крем-брюле, а после раздумий добавила кусок шварцвальдского торта.

Гу Ичжэнь смотрела на это, разинув рот.

Обычно та редко прикасалась к десертам, разве что пробовала кусочек, если заказывали другие, или из-за перфекционизма, чтобы дополнить набор блюд.

— Лу Шабай, я не хочу читать нотации...

Гу Ичжэнь с трудом выдавила из себя.

— Но твоё сегодняшнее поведение... страннее, чем неразгаданные тайны мира.

Лу Шабай приподняла бровь, глядя на неё.

— Скажи, зачем ты злишься сама на себя...

Под пристальным взглядом Лу Шабай Гу Ичжэнь, не боясь смерти, продолжила:

— Признать, что тебе нравится Е Инь, — это что, смертельно?

— Смертельно.

Ответила та без колебаний.

Гу Ичжэнь так и подмывалось швырнуть в неё ананасовой булочкой.

— Так ты её любишь или нет?

— Люблю.

Блин!!! Вы, чёртовы цундере, вообще не достойны любви!!!

Гу Ичжэнь впилась зубами в булочку, но ни хрустящая корочка, ни солоновато-сливочная начинка не смогли утешить её душу.

Подумать только, она сама была человеком прямолинейным и решительным, как же у неё могла быть такая подруга!

— Не скажешь ей?

Глубоко вздохнув, она сначала налила себе супа, чтобы потом случайно не опрокинуть чашу.

— Не скажу.

Лу Шабай тоже налила себе супа и принялась неторопливо есть.

Суп из свиных костей в этом заведении был молочно-белым, во рту ощущался насыщенный аромат, долго не исчезающий с языка. Он был горячим, стекал по горлу, оседал в желудке, оставляя лёгкое тепло.

Гу Ичжэнь смотрела на неё с досадой, покусывая булочку, и не хотела больше тратить слов.

У этого упрянца найдётся свой укротитель, ей же не было дела до этого.

Чай тянулся до середины дня, они болтали о чём попало, пока Гу Ичжэнь не начала то и дело поглядывать на телефон. Лу Шабай, взглянув на её выражение лица, всё поняла и спросила:

— Су Чжи?

Гу Ичжэнь кивнула, прикусывая губу, чтобы не расплыться в глупой улыбке.

У каждой были свои мысли, и после ещё пары фраз они разошлись по домам. Перед уходом Гу Ичжэнь взяла с собой две ананасовые булочки, сказав, что отнесёт своей девочке.

На улице в это время стояла жара, палило солнце, никакая тень не спасала, волны зноя одна за другой накатывали на людей, вызывая раздражение.

Е Инь прождала большую часть дня и наконец дождалась своей первой сцены с главной героиней.

Группа работала по системе локаций: сначала снимали все сцены в одном месте, потом переезжали в другое, сюжет был разорван. Эта сцена была из середины фильма, перескакивая через большую часть истории.

Гао Янь и Фан Фэйфэй, взявшись за руки, бежали со спортивной площадки прямо в класс.

В классе работал кондиционер, лёгкий ветерок колыхал тюлевые занавески. На передней доске были написаны уравнения, на задней — стенгазета. Декорации были продуманы и смотрелись красиво.

Но к актёрам это не имело отношения — это был просто establishing shot.

Две актрисы для этой сцены как раз бежали под солнцем.

Солнечный свет, казалось, прожигал кожу. Рядом Цинь Шу стояла с кислой миной, на её миловидном лице читалась досада.

— Только что кто-то приходил навестить, — Цинь Шу присела у края поля, стараясь втиснуться в тень дерева. — Говорят, принесли арбуз.

— Как жарко, — Е Инь понимающе улыбнулась. — Постараемся снять с первого дубля и пойдём есть арбуз.

Группа с рефлекторами была наготове, режиссёр крикнул «Старт!», камера уже двигалась по рельсам.

Цинь Шу быстро вошла в роль, взяла её за руку, и на лице у неё уже было другое выражение.

Вошли в кадр справа, вбежали в объектив, не слишком много, не слишком мало, лица попали в кадр красиво, всё было рассчитано идеально.

Хотя для Е Инь это была первая сцена, она быстро среагировала. Она следовала за Цинь Шу, внешне почти не улыбаясь, но во взгляде, в уголках глаз светилась радость.

Словно она и вправду была Гао Янь, смотрящей на глуповатую Фан Фэйфэй: и немного её презирая, и желая о ней заботиться. Между ними была настоящая дружба, как у подруг, выросших вместе.

Режиссёр остался доволен. Игра Цинь Шу была хорошо известна среди актёров нового поколения, к тому же она уже отсняла несколько сцен. Такой простой дубль, естественно, получился с первого раза.

Но он не ожидал, что Е Инь, впервые снимающаяся в кино и впервые выходящая на площадку, тоже справится так гладко.

Чувства были переданы очень точно.

Режиссёр мысленно похвалил её.

После этого дубля для Е Инь снова началось долгое ожидание. Её следующая сцена была назначена на сумерки: Гао Янь репетирует песню в музыкальном классе, готовясь к школьному музыкальному фестивалю, и её замечает главный герой.

Поблагодарив работников группы, она прикрыла ладонью лоб и направилась в комнату отдыха.

<http://bllate.org/book/15554/1414742>